

У трех войн одно лицо

С Говорухиным-младшим беседует журналист Юлия Филякина

О Сергее Говорухине в первую очередь заговорили как о сыне режиссера и политика. Пресса выделила его из общего списка пострадавших в Чечне, рассказав о ранении как о еще одной сенсации. В день награждения Сергея орденом о нем опять вспомнили как об участнике событий в Чечне. Сегодня же мы представляем его как сценариста будущего фильма о войне.

— Сергей, как известно, вас ранили в Чечне в тот момент, когда шла работа над вашим первым фильмом «Война»?

— «Война» — рабочее название. Эта работа — мой первый опыт в документальном кино. По образованию я сценарист художественного фильма.

— О какой из войн пойдет речь в фильме?

— Таджикиской, чеченской и афганской. Фильм этот не о войне, а о нашей жизни на войне. О жизни страны и о нашей безнравственности на фоне всех войн. Тема сложная, и сценарий дается тяжело. Картина получается философская.

— С Таджикистаном и Чечней понятно. Но почему вспомнили про Афганистан?

— Изначально картина задумывалась про войну в Афганистане. И о жизни тех, кто там остался: о военнопленных, о тех, кто принял ислам, чтобы верой и правдой служить силе мусульманского оружия. Пока оформлял заграничные паспорта, начались сильные бои в Таджикистане. И мы поехали туда без конкретной задачи. Побывав в Таджикистане, поняли, что эти две войны можно обобщить, потому что Таджикистан — следствие афганской войны. Чуть позже, побывав в Чечне, пришли к выводу, что у этих трех войн одно и то же лицо. В Афганистан мы так и не поехали, хотя решение о поездке остается в силе, но, к сожалению, без моего участия. Фильм должен потрясти, иначе он не имеет никакого смысла.

— На ваш взгляд, что привело страну к этим бесконечным войнам и почему вы их объединяете?

— Дело в том, что мы всегда уделяем внимание следствию, а не причине. Чечня не хотела оставаться в составе России — это вполне закономерно. И ни одна республика не хотела и не хочет жить в этой демократической разрухе. Но не все могут, а Чечня смогла и решила жить сама по себе. Кнутом ее за это! Вы мне возразите: но тогда все разбежится. Что ж, следовательно, таково государственное устройство России, таков ее режим. Вот причина. Не с Чечней надо воевать, а с Ельциным и иже с ним. Кстати, такая война началась в октябре 93-го и закончилась полным поражением,

потому что мы не чеченцы — у нас ни чести, ни национального достоинства не осталось.

Нам говорят: Чечня — криминогенная зона. Да все чеченские преступления — детские шалости по сравнению с тем, что происходит в Москве за неделю. Следовательно, для ликвидации московской преступности Москву также надо разнести в пух и прах вместе с мирными жителями. Так, что ли?

— Почему же вы с такими взглядами до сих пор в России?

— Это моя земля, мои люди. Я желаю им только добра и по мере возможности пытаюсь делать это. И для чеченцев это их земля. Они будут драться за нее до последней капли крови. Тупоголовые российские военачальники кричат: вспомните генерала Ермолова, поставившего Шамиля на колени. Это говорят люди, показавшие всему миру «блеск и славу русского оружия», в основном уничтожавшие города и мирное население. Сравнивая с землей пятизвездный дом при помощи тяжелой артиллерии большого ума и храбрости не нужно.

А постоянные реверансы в сторону Америки! Мол, что бы стало с любимым штатом, посмешищем заявить о своем суверенитете? Да кому в Америке может прийти мысль об отделении? В цивилизованной, истинно демократической стране, где действительно во главу угла поставлена забота о рядовом гражданине.

— Вы следите за выступлениями отца?

— Стараюсь. Во многом, за исключением каких-то частных, я с ним согласен. Просто он многих вещей не знает и не может знать. Он ведь не ходил, как я, с войсками и не видел всей подноготной. Ему какой-нибудь полковник соврал, а он себе зафиксировал. Как любой здравомыслящий человек, он не приемлет войны в Чечне. И пытается сделать все, чтобы ее остановить.

— Однако из выступлений вашего отца получается, что Говорухин-младший задерживается в политике несколько иной точки зрения, чем старший.

— Это как раз та самая журналистская интерпретация его слов, которая может стоить человеку жизни. Мне доподлинно известно, что отец находится в

«черных» чеченских списках на уничтожение. Все достаточно просто: что-то подминировали, где-то купировали, немного добавили от себя — и вот Говорухин уже оголтелый милитарист, жаждущий тотального уничтожения чеченского народа. Тем не менее мое ранение ни его, ни меня против чеченцев не озлобило.

— Раз уж мы заговорили о семейных взаимоотношениях, скажите, как часто вам приходится прибегать к помощи отца?

— Что касается творчества, то тут я обходился без него. У нас слишком разное мировоззрение. А что касается помощи вообще, то он помогал достаточно часто. Сейчас, например, мне понадобился для картины профессиональный режиссер. Всю грязную работу мы сделаем сами. А вот чтобы скооперировать, нужен профессионал. И тут он нам посодействовал — нашел грамотного режиссера.

— А спонсирует ваш фильм кто?

— Сами. Фирма, директором которой я являюсь. Мы можем позволить себе съемки фильма с достаточно дорогостоящими и частыми экспедициями.

— Проблем в этих экспедициях возникает много? Я говорю не только о вас, но и о ваших героях.

— Хватает, но в первую очередь от нашего головотяпства. Был один случай в Таджикистане, когда ребят бросили на верную гибель: наши прочесывали местность, а духи заманили ребят в пещеру, где стоял радиоуправляемый полутонный фугас. После взрыва сдетонировало все вооружение, которое было на десанниках. Четверых ребят разнесло в клочья, еще четверых можно было спасти, если бы вовремя пришел вертолет. А он вообще не пришел. Сначала сами выносили раненых, потом убитых.

— В фильме об этом будет?

— Обязательно. Хотя ничего особенного мы не сняли. Не до этого было. Камеру сразу отложили, одни помогали раненым, другие заняли оборону.

— И за этот подвиг вы получили ордена «За мужество»?

— С этими орденами вышла целая история. Пограничники представили нас к медалям, большего мы, естественно, не заслуживали. Ордена же решили дать в наградном отделе при правительстве после моего ранения, в общем — за чеченские страдания.

— Что успели отснять в Чечне?

— Только общую панораму города да обстрел микрорайона Минутка. Немного снимали и наших, и местных. Потом должны были идти с морской пехотой на штурм Минутки. Но тут меня ранило, и группа осталась со мной. Насколько нам известно, тогда из десяти штурмующих восемь погибло.

— Что вы можете сказать о действиях наших военачальников в Чечне и Таджикистане?

— Пограничные и федеральные войска — две совершенно разные структуры, и каждая воюет по-своему. Что касается российской армии — впечатление удручающее. А пограничники? Я думаю, здесь надо отдать должное Андрею Николаеву, директору ФПС РФ. В рамках того, что ему отпущено, я имею в виду боевые единицы, технику, он делает какие-то феноменальные вещи. Граница охраняется достойно. Обидно было, когда после буденновских событий первый камень полетел в него.

— О Буденновске. Нападение Басаева на мирный город не уронило в ваших глазах чеченцев?

— Я не могу осуждать не только чеченцев, но и террористов, несмотря на кровь, пролитую в Буденновске. Возможно, это звучит абсурдно, но я рад, что нашелся человек, который хоть как-то попытался остановить эту бойню. А факт того, что случилось, лично у меня гневного протеста не вызывает. Во всяком случае, здесь в очередной раз мы повели себя гораздо хуже чеченцев. Начиная от продажности гаишников и заканчивая этим безмозглым штурмом. Чеченцы и здесь оказались на высоте.

— Я слышала, что сейчас создается комиссия помощи ветеранам чеченской войны, в которой планируется ваше участие.

— Не исключено, что я войду в эту комиссию. Для начала постараюсь добиться, чтобы у ребят, получивших тяжелые ранения на войне, во втсковских справках не стоял диагноз типа моего: «Общее заболевание органов опорно-двигательного аппарата».

На снимке: Сергей Говорухин.

Фото автора.